

Не гордились и не унижались,
Были равны все и благородны.

О златые и т. д.

Все свободны, все были богаты,
Все служили, все повелевали.

О златые и т. д.

Их языком сердце говорило,
И в устах их правда обитала.

О златые и т. д.

На сердцах их был закон написан,
Сам, что хочешь, то желай другому

О златые и т. д.

Страх, почтенье неизвестны были
Лишь любовь их правила сердцами.

О златые и т. д.

Так прямые жили человеки;
Те минули золотые веки!

О златые, золотые веки!

В вас счастливо жили человеки.¹

Приведенная только что «Старая песня» и формально, и идеологически близка к «Другому хору». Можно даже больше сказать, «Старая песня» в своей апологии «первобытного коммунизма» идет дальше «Хора ко превратному свету». Повидимому, вообще Ф. Г. Волков был человеком с определившимся антифеодальным мировоззрением. Таким же антидворянским, на наш взгляд, характером проникнута его единственная сохранившаяся «Эпиграмма», сообщенная Новиковым:

Всадника хвалят: хорош молодец!

Хвалят другие: хорош жеребец!

Полно, не спорьте: и конь и детина,

Оба красивы; да оба скотина!²

¹ Сочинения М. Д. Чулкова, СПб., 1913, ч. I, стр. 238—239.

² Опыт, стр. 44; Ефремов. Материалы, стр. 26. Указание Г. А. Гуковского на неопределенное повторение этой остроты в эпиграммах других авторов (Сумароков, Державин, кн. Гр. Хованский, П. Бахтин — подробнее см. статью Г. А. Гуковского «О русском классицизме» в сборнике «Поэтика», V, стр. 35—36) несколько не меняет сути дела: при суждении о литературном произведении для исследователя важнее социальная функ-